

«Русская идея» и национальный характер. Скептические размышления

Вопрос: нужна ли России «Русская идея?» – является дискуссионным, несмотря на то, что Президент России дал директиву ее разработать. Вопрос о необходимости «русской идеи», – а, может быть, следует, изменяя традиции, говорить о «российской идее» – сопряжен с вопросом о все еще продолжающемся формировании российской национальности, аналогично тому, как в Америке выходцы из разных стран называют себя американцами. Впрочем, возможно расширение проблемного поля, поскольку существует точка зрения о необходимости создания русского государства в составе России, связанного с этническими русскими, и соответственно конституирования русской национальности. Таким образом, «русская идея» может и не совпадать с «российской идеей».

Конечно, в настоящее время сказать что-либо определенное о русском национальном характере, о «русской идее», или о том, «что Бог думает о России в вечности», достаточно проблематично. Вопросы здесь много больше, чем ответов. На мой взгляд, правы те, кто радуется за создание специальной научной дисциплины – россиеведения. В рамках этой дисциплины могли бы быть построены междисциплинарные – объединяющие усилия философов, культурологов, этнопсихологов, социологов и психологов и др., – многоуровневые исследовательские программы. Сегодня в основном преобладает философско-спекулятивный уровень поиска, связанный с очерчиванием концептуальных пространств. Вопросы, о которых идет речь, не являются внешними (как бы чисто теоретико-объективными) по отношению к исследователю. Поэтому направление поиска во многом обусловлено ценностным самоопределением человека, его жизненным опытом, в том числе и опытом проживания собственного «национального характера» и его сопроживания с родственниками, друзьями, соседями по лестничной площадке

и т.п. Отвечая на эти вопросы, исследователь самоопределяется и как личность, и как гражданин. Наш жизненный опыт есть в определенном смысле и пилотажное исследование. Рефлексия над ним, разумеется, не претендует ни в коей мере на объективную истину, а только на осмысление своего жизненного опыта. Субъективный круг может быть разомкнут читающим, и только современные научные методы претендуют на объективность (если она вообще достижима в таких областях знания). Собственно в этом измерении я рассматриваю свои размышления об одной из наиболее часто обсуждаемых в литературе и общественных дискуссиях черте русского национального характера – жалостливости. В народе до сих пор широко бытует критерий определения любви: «если жалеет, значит, любит».

Я исхожу из того, что продолжающийся процесс формирования и, так сказать, вызревания единой российской нации весьма важен. «Быть россиянином» - должно стать ценностью самой по себе. Нацию формирует и оформляет не только национальное государство и общее экономическое пространство, но и то, что Монтескье назвал «духом народа», – общая духовная основа, общие ментальные установки, культурно значимые и социально одобряемые мотивы и модели поведения. Потребность в национальной идее вырастает либо из ощущения того, что как таковой нации нет, нет единого внутреннего поля притяжения сограждан друг к другу « по голосу крови», либо из переживания нацией кризиса, т.е. вопрос о национальной идее встает в периоды политических, экономических и духовных испытаний, когда существование единства народа и общего национального характера кажутся зыбкими и фантомными. И чем больше эти трудности, чем сильнее признаки раздробленности общества, тем очевиднее и настоятельнее становится потребность как в научном и философском анализе общественных проблем, так и в мифопоэтическом творчестве, нацеленном на созидание духовной основы нации.

Хочу отметить, что идеологическое, в широком смысле духовное пространство пусто не бывает никогда. Его обязательно кто-нибудь и чем-

нибудь займет – это могут быть даже идеи и практика Белого братства или Аум Сёнрике, блатные песни или сказки Баркова. Российской интеллигенции должно быть небезразлично, какими идеалами, нравственными ценностями, моделями поведения, духовными веяниями заполняется культурное пространство России. Хочется нам того или нет, но это пространство также является рынком, на котором происходит борьба за потребителя. Говоря современным технологизированным языком, «разработчики» должны уметь не только предлагать привлекательные программы – идеалы человека, модели поведения, способы и пути их присвоения (воспитания, усвоения), – но и уметь продвигать их к потенциальному потребителю. В противном случае все «духовные проекты» остаются только прожеками. Это положение, на мой взгляд, справедливо и для гуманистического направления, ориентированного на индивидуальность человека, его свободу и самостоятельность. Потребность быть личностью не является врожденной. Категория личности – это категория социально-культурного ряда, а не биологического. Если в культуре, в обществе нет ценности человеческой личности, нет средств для реализации этой ценности, то более чем проблематично ее появления как массового явления, т.е. появления общества личностей. Поэтому для гуманистической мысли столь важно, какими методами и средствами формировать это желание быть личностью, как и чем оснастить личность на пути ее становления, при каких культурных и социальных условиях личность будет полноценно и достойно жить. По моему глубокому убеждению, в «русской идее» – говорю так, не изменяя традиции, – должен заключаться плюрализм человеческих духовных устремлений. Есть в ней и законное место и светскому, секулярному гуманизму

Культура выработала много воспитательных, формирующих человека приемов, – это и сказки, пословицы, поговорки, былины и т.п., это и всевозможные ритуалы, традиции, обряды, игровые формы поведения для разных возрастов, это и высокое искусство, включая философию, и электронные средства массовой информации. К сожалению, все богатство этих средств все более стягивается к электронным средствам информации.

Люди, маленькие и взрослые, живут, почти не отрываясь от телевизоров и компьютеров, дети все меньше играют в ролевые игры, бабушки не рассказывают внукам сказки, важнейшие вехи жизни человека, такие, как рождение, свадьба, похороны, которые всегда служили поводом и местом для поддержания связи поколений, укреплению семейных отношений, отношений между людьми, теперь являются поводом для быстрого перекусывания, зачастую перерастающего в банальную попойку. Происходит глубинная дегуманизация человеческой жизни, общение человека с человеком, все больше опосредуясь техникой, само становится техникой общения в духе Карнеги.

Конечно, в современных условиях для того, чтобы быть услышанным большим количеством людей, необходим доступ к электронным средствам информации. Условно говоря, чтобы выйти на массовую детскую аудиторию, желательно иметь возможность создать телевизионную программу «Спокойной ночи, малыши». Если хотите, лозунгом момента может стать не задача захвата мостов, вокзалов, телеграфа и т.п., а лозунг: «В чьих руках программа «Спокойной ночи, малыши» – за теми и будущее». Но силы гуманизирующие и дегуманизирующие, увы, не равны; не равны не в духовном, а в материальном выражении. Однако сопротивление процессам дегуманизации, деиндивидуализации общественной и человеческой жизни оказывать необходимо, чтобы хотя бы самому сохранить свой личностный статус. Поэтому работа Русского гуманистического общества и его журнал «Здравый смысл» является важной формой презентации светского гуманистического мировоззрения и образа жизни, отстаивания гуманистического идеала личности.

Итак, в первую очередь следует различать характер народа и национальную идею. Критерий различения прост: национальный характер – наличная данность со всеми ее плюсами и минусами, идея – это то, чего скорее всего нет, но очень хочется, чтобы было. При этом предполагается, что национальная идея может трансформироваться в национальный характер. Однако между этими феноменами – как между сущим и должным – возможны

и более сложные отношения. В национальную идею могут включаться характеристики реально существующих черт национального характера, но без должного критического к ним отношения. При более пристальном внимании эти черты могут не восприниматься однозначно положительно. Данное различие реально существующих черт национального характера и желаемых очень важно, так как в литературе и общественном сознании эти планы зачастую подменяются, смешиваются: желаемое выдается за действительное. Мы роняем слезы умиления по поводу того, чего в реальности может и не существовать.

Возьмем достаточно распространенную версию о том, что русский народ в целом и отдельный «среднестатистический» русский человек «жалостливый». Как бы само собой предполагается, что это его положительная черта. Однако зададимся вопросами: действительно ли мы настолько жалостливы, сострадательны? Как быть с нашей реальной, немифологизированной историей, которая есть одновременно и история психологии народа, в частности, с гражданской войной, когда одна часть граждан России уничтожала другую ее часть? Совместим ли этот факт реальной истории с состраданием, если последнее признается имманентной чертой русского характера? Психологам известно, что нельзя с помощью гипноза внушить человеку, неспособному на убийство, убить себе подобного. А целый народ можно загипнотизировать? Считается, что немецкий и русский народы самые сентиментальные (сострадание, например, является одной из краеугольных категорий философии А. Шопенгауэра), но именно Германия и Россия разработали и активно использовали концлагеря как способ массового уничтожения людей.

Размышляя так, я прихожу к выводу, что необходимо не столько фантазировать по поводу существующих в действительности национальных особенностей русского человека, сколько исследовать их научными социологическими методами. Но есть в этих исследованиях место и философско-экзистенциальному анализу, поскольку важно в нашем конкретном

случае разобраться с самим понятием жалостливости, отдифференцировать его от других смежных понятий: сострадания, сочувствия, милосердия, доброты, сентиментальности, эмпатии и других. Ввиду неразработанности в психологии данного вопроса можно строить различные гипотезы о взаимоотношениях между обозначаемыми этими словами феноменами душевной жизни. Возможно, что это один, но по-разному именуемый феномен. Равновероятно и то, что порождающие их основания разные, а похожи они уже на уровне поведенческих проявлений. Не исключено, что за «жалостливостью» скрывается конкретно-жизненное проявление человеческого духа совсем иной природы.

Признаюсь, я не склонна идеализировать нас – русских. Здравомыслящие и здравочувствующие русские мыслители XIX–XX вв., размышлявшие на данную тему, видели не только положительные, но и отрицательные черты русского характера, отмечали его раздвоенность, амбивалентность. Я не вижу ни одной, почти ни одной, положительной черты характера, присущей исключительно русскому человеку. Все положительное, как правило, обусловлено необходимостью совместного человеческого общежития, и только. Зато есть, по моим наблюдениям, наше, родное – русский человек очень склонен к ханжеству. Я полагаю, что «жалостливость» как массовое проявление русского национального характера связана во многом с ханжеством.

Ханжество – сложное человеческое поведение, характеризующееся раздвоенностью и несовпадением вербального и реального пластов поведения. В психологии различают «только знаемые мотивы» и «реально действующие мотивы». Ханжество объединяет эти две различные группы мотивов в единый поведенческий акт, где они реализуются на разных уровнях: «только знаемые мотивы» на уровне вербального поведения, «реально действующие» на уровне реального поведения.

Замечу, что далее при построении версии о происхождении ханжества как формы поведения отдельного индивида и как черты русского

национального характера я буду исходить из посылки, что механизм формирования индивидуального характера и национального имеют высокую степень корреляции. Однако вопрос о том, как конкретно они взаимодействуют, – остается также открытым.

Не вдаваясь в частности, можно предположить, что существуют два фундаментальных механизма формирования национальных традиций, социально одобряемых форм поведения, черт национального характера. Условно обозначим их как традиционалистский (восточный) и инновационный, рациональный (западный). Между восточным и западным способами формирования традиций, устоев есть существенное различие: первый предполагает в основном нерефлексивный путь формирования как содержания традиций, так и способов их внедрения, второй, инновационный, предполагает сознательное или рефлексивное отношение к формулам и механизмам формирования традиций.

Моя гипотеза о механизме возникновения ханжества как черты русского национального характера основывается на допущении, что в России слабо представлены оба типа – западный и восточный – формирования жизненных устоев нации, народа. Поскольку эти типы связаны с двумя типами культур (традиционалистской и инновационной, рациональной), то поневоле приходишь к неутешительному выводу – мы «недокультурные». История России – это череда «детрадиционализаций». Киевская Русь, московская, петровская, послереформенная 1861 г., советская, перестроечная, постперестроечная – всех вех и не обозначить. Становление форм жизни России, символизируемых этими понятиями, было всякий раз связано со сломом едва успевавших прижиться социально нормированных устойчивых связей и отношений между людьми, культурно оправданных мотивов и правил поведения. Если в России и сложилась традиция, то ее можно выразить известными словами: «весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...» И всякий раз разрушали насильственно. Вероятно, один из многочисленных парадоксов России заключается в том, что, несмотря на присущие ее

социально-культурному бытию черты традиционализма, базовым механизмом ее исторической динамики является детрадиционализация. Западный способ мышления и жизни затрагивает тонкую прослойку российского общества, не становясь устойчивой традицией.

Если это так, то русский человек не живет в культуре, он остается наедине с самим собою, он пребывает в «естественном состоянии». Он вынужден приспособливаться, адаптироваться к условиям своей жизни так, как ему удобно, выгодно, «как Бог на душу положит». Используя фрейдовский символ и расщепляя его, можно сказать, что «Супер-Эго» русского человека оказывается не только бедным и неразвитым, но оно не становится собственно «Эго», не включается в структуру «Я». Содержание «Сверх-Я» остается вне человека – это то, что он «только знает», это общественное мнение, которое человек учитывает в своем вербальном поведении. «Что скажет княгиня Марья Алексеевна?» – звучит актуально и поныне.

Когда у человека в его «святая святых» – базовой структуре личности не сформирована ценностная установка на уважение себя без всяких условий и условностей материального, статусного и другого внеличного характера (то, что называется «принятием себя») и другого как самого себя в том же смысле, когда не сформированы социально приемлемые цели и способы их достижения, тогда человек может делать то и так, что и как ему выгодно, невзирая на других людей. Пытаясь избежать или хотя бы отсрочить гоббсовскую «войну всех против всех», и потому что в общественном мнении (берущем истоки и в православной риторике и советско-коммунистической) оголтелое преследование корыстных целей не поощряется, человек надевает «личину», он камуфлирует свои интересы словами. Чем эгоистичнее устремления человека, тем больше напускается словесного тумана, тем больше демонстрируется лояльное отношение к другим; как крокодил, такой человек «жалеет» свои жертвы.

Мы гордимся, что «не лыком шиты», что русский человек – он не простой, с «хитринкой». Ханжеское поведение, безусловно, споспешествует

возможности перехитрить другого. Еще одним побудительным мотивом, подстегивающим демонстрацию «жалостливости», является желание управлять, манипулировать другими людьми. В ситуации такого типа манипулирования фактически эксплуатируются так называемое «золотое правило» нравственного поведения человека: «Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой». Человек-манипулятор не только устраивает «дымовую» словесную завесу, но и стремится побудить другого быть по отношению к нему таким же милосердным, добрым, снисходительным и т.п., как это им декларируется.

Использую для выражения собственной мысли любимую Ульяновым-Лениным структуру фразы: есть самоуважение и самоуважение. Самоуважение – чувство очень важное для полноценного бытия личности. Однако добиться его можно разными путями. Можно, совершая реальные достойные человека поступки. А можно, заигрывая с самим собой, например, проливая слезы и негодуя против подлости, непорядочности вместе с киногероями и соседями по лавочке, а затем совершать то, что порицалось. Жалостливость проявляется больше на словах. Нам, конечно, весь мир жалко, кроме тех людей, с которыми приходится сталкиваться реально, а не умозрительно, виртуально. Желание приспособиться как можно удобнее и ловчее к жизненным реалиям не располагает к сантиментам. Мы выживаем, а не живем.

Ханжеское поведение связано с раздвоенностью личности, с расщепленностью ее сознания. Раскол, о котором так много говорилось в русской философской мысли, пролегает не только между различными церковными или политическими направлениями, между различными сословиями, слоями русского общества; раскол существует в самой русской душе. Ханжеское поведение связано с тем, что человек хочет «казаться», а не «быть».

Однако здесь надо быть точным. Вопрос о том, каким должно быть человеку – это прежде всего вопрос ценности, а не оценки. Смотря правде в глаза, думаю не ошибусь, если скажу, что людям свободным, самостоятельным,

правдивым и т.п., то есть обладающим теми свойствами личности, которые можно отнести к гуманистическому идеалу человека, – жить в России тяжело. Здесь, вероятно, также есть своя контрверза, свой парадокс гуманистической мысли в России: гуманистический идеал человека может быть «не гуманен» в ее условиях, поскольку россиянину легче приспособливаться, выживать, чем жить, проще и выгоднее «казаться», чем «быть».

Поставим мысленный эксперимент, спросим себя: «Хотим ли мы, чтобы наш ребенок, – а не дети вообще, – всегда говорил правду, одну только правду?» Вероятно, одним из наиболее типичных, распространенных путей формирования «двойного дна» человека может быть следующий. Родители требуют от маленького человека, жизнь которого в основном еще замыкается на них, чтобы он им говорил правду. Но, когда подросток начинает говорить искомую правду еще и другим, а не только им, то те же родители наставляют быть его хитрее. «Не ври!» и «Будь хитрее!» – вот две альтернативные установки, которые предлагается увязать в единой личностной структуре. Для родителей ценностью является не правда сама по себе, а возможность управлять ребенком. Потом эта педагогическая эстафета будет передана следующему поколению: жизненным кредом станет стремление манипулировать собой и другими, слова окажутся средством и ширмой. Поразительно пронзительную рефлексивную оценку особенности характера своего народа высказал мне представитель небольшого кавказского (не путать с закавказским) народа-репатрианта, потерявшего свои традиции и не имеющего культурных средств присвоения чужих: «Одно дело, что мы думаем, другое – что мы говорим, третье – что делаем». На это можно было бы развести руками: «Восток – дело тонкое»; но оборотимся на себя...

Целостная личность, отвечающая за себя перед другими и собой, несущая полноту личностного бытия в себе, – это самодостаточная личность, ценность без каких-либо предварительных условий.

И все же вопрос о том, какие черты личности россиянина могут быть социально одобрены, культурно значимы, т.е. каков должен быть эйдос

россиянина, имеет для нашей страны практическую подоплеку. Поскольку он тесно связан с другим злободневным и утилитарным вопросом: как будем жить в нашем общем доме дальше? Этот вопрос распадается на ряд других. Например, каким быть рынку, рыночной экономике России, какие политические группы обоснуются на ее властном олимпе, какие взаимоотношения сложатся между властью и народом?

На заре перестройки экономист Татьяна Корякина предупреждала, что, мечтая о рыночной экономике, мы не должны абстрактно считать, что она бывает только такой, как в странах «большой семерки». Экономика, она и в Колумбии рыночная, а есть еще китайский вариант, японский и другие. В России, утверждала она тогда, большая вероятность построения рыночной экономики по типу колумбийской. В становлении и развитии страны, нации, как и в развитии цивилизации, многие факторы выполняют детерминирующую функцию: и политические, и экономические, и социальные, когда и религиозные, и – о чем часто забывается – культурные. В определенные периоды истории одна группа факторов может на какое-то время играть большую роль, чем другие. Сегодня для России, ищущей свое место в мире и истории, значимы все детерминанты. Но если политические, экономические, социальные проблемы хоть как-то серьезно обсуждаются, в том числе и в масс-медиа, формирующих общественное сознание, то проблемы, связанные с культурой, частью которой является и эйдос личности, сводятся, как правило, к анекдотам о «новых русских», к сплетням из жизни тусовок, творящих анти-культуру.

Люсьен Февр, родоначальник исторической школы «Анналов», писал, не соглашаясь ни с К.Марксом, ни с М.Вебером, что капитализм есть всегда там, где существуют товарно-денежные отношения, только каждый тип капитализма востребует совершенно определенные человеческие качества. Очевидно, что цивилизованные рыночные отношения могут строиться людьми, которых мы также могли бы назвать цивилизованными. В определении цивилизованного человека входит в первую очередь порядочность, одним из

компонентов которой является правдивость и верность данному слову, а также компромиссность как умение учитывать интересы другого человека, поскольку он является ценностью, кантовской «целью», а другой ценностью является социальный мир.

Я еще раз хочу подчеркнуть, что сами по себе такие качества личности ниоткуда не берутся. Человеку, живущему вне культуры, естественному человеку удобнее, сподручнее поступать как раз наоборот: чтя только свои интересы, не разбирать средств, преследуя выгоду т.п. Культура в обществе и культура в человеке – всегда очень хрупкие образования. Гражданские и другие войны XX столетия доказали нам это еще раз: чуть ослабевает давление культуры, и человека уже трудно отличить от самого кровожадного зверя. Гуманистическая надежда может быть, по моему убеждению, только на культурного человека, и не на человека вообще.

Но существует культура и культура. Сколько снобизма и ушатов грязи было вылить в перестроечные и первые послеперестроечные годы на хорошие (а о плохих и говорить не стоит) советские фильмы, песни, книги только за то, что они были созданы в жанре так называемого социалистического реализма. Однако к этим произведениям снова тянет, может быть, потому, что в них существует главное – атмосфера доброты, порядочности, нормальных человеческих отношений; всего того, чего так не хватает в реальной жизни. В современной России опять есть кого и что высмеивать, бичевать и разоблачать. Современной России не хватает новых добрых сказок, созданных в жанре «гуманистического реализма». Я беседовала о важности мифопоэтического творчества в формировании национального характера с молодым человеком, связанным работой с телевидением. И сказала: «Вот как хорошо Америке, у нее был Дисней, создавший Микки Мауса – ее национального героя». «У нас тоже был свой национальный герой», – возразил мне мой собеседник. «Кто?» «Чебурашка». ...Господи, да я с детства люблю Чебурашку. Но представить этого «чебурахнутого» (как он сам себя рекомендовал) парня, говоря квазинаучным языком, агентом рыночной экономики мне сложно. К слову

сказать, когда я пересказываю эту беседу, то ее символичность лучше понимают женщины почему-то. Но пусть хоть Чебурашка, чем какой-нибудь «дядюшка Скрудж» или то ничто, что все равно прорастает контркультурным четрополохом.

А бояться утопий не надо, надо бояться неправильного, неразумного и некритичного отношения к ним, смешения реального и желаемого. У русского народа выработан здравый подход к восприятию сказки: «В сказке ложь, да в ней намек...» Добрый молодец – добрый умом и сердцем – сможет и извлечь из сказки для себя нравственные уроки, и отличить пустое прожектерство от возможности реального созидания.

Зададимся вопросом в связи с нашей темой: может быть, если мы жалостливы только на словах (любим поплакать с другими, посопереживать), нам стоит ввести этот феномен в содержание национальной идеи и сделать его реальной сущностной чертой национального характера? Конечно, умение жалеть, сочувствовать должно быть присуще каждому человеку. Но, как и в любом деле, важно не переусердствовать, не подменять жалостливостью все многообразие похожих позитивных явлений душевной жизни человека. Кто-то может умиляться отношению мужчины к женщине, выраженной формулой: «он ее не бьет, он ее жалеет». В подобных ситуациях каждый решает сам для себя, чего ему хочется: любви, жалости, уважения, эмпатии или чего-то еще. Мне же мои жизненные предпочтения говорят, что жалеть, милосердствовать, сострадать надо тем, кому это действительно необходимо: больным, немощным, оказавшимся в бедственном положении и т.п. а смешивать любовь с жалостью не стоит, любовь пусть будет любовью.

Однако у нас о жалости как заместители любви или уважения говорится не только по поводу взаимоотношения полов, но и по поводу взаимоотношения государственных деятелей и народа. Похоже на политическом ристалище этот факт начинает использоваться и культивироваться даже в качестве определенного приема завоевания сердец и голосов избирателей. Это становится уже не забавным и умильным, когда

противоборствующие политические силы провоцируют друг друга на физическое столкновение, и моральное преимущество, предполагается, будет на стороне тех, кто «получит труп» (так выразился один тележурналист осенью 1993 г., комментируя события, происходящие «вокруг Белого дома»). Хотим ли мы этого? Надо ли нам именно это? Не очевидно.

Опубликовано в журнале «Здравый смысл» 1997. №3.